

«МЫШЬ» НАИЗНАНКУ, или КАК ДЕЙКЕМА ИЗНАСИЛОВАЛ ШТРАУСА

В Национальной опере «Эстония» поставили «Летучую мышь» Иоганна Штрауса. Премьера прошла 13 мая при полном зале. Реакция публики, судя по аплодисментам и то и дело раздававшемуся громкому, залиvistому смеху, была бурная.

Тамара УНАНОВА

Между тем я с трудом высидела до конца, не дождаввшись выхода на поклон артистов, дирижера и главного виновника сего «аншлага» — голландца Мати

и выдает себя не за того, кем на деле является — ведь лейтмотивом оперетты, по мнению Дейкемы, является поиск героями сексуальных приключений. Этакие фантазии а-ля Зигмунд Фрейд. Дабы напомнить, о чем идет речь в оперетте Штрауса «Летучая мышь», позволю маленький экскурс в историю

тельно. За 42 дня, вернее, за 42 ночи Штраус написал партитуру «Летучей мыши», ставшей образцом классической венской оперетты. В отличие от оперетт Оффенбаха, здесь нет места сатире и политике, тут царят любовь, легкий флирт, веселый розыгрыш, добродушный юмор, пленительные танцевальные мелодии

вал ее для достижения неких целей, имеющих мало общего с классической опереттой. Да, чрезвычайно эффектно была решена сцена, где Розалинда (Айле Ассони / Хели Вескус), выдающая себя за венгерскую графиню на балу у князя Орловского, поет чардаш, а на сцене в это время готовят гуляш по-венгерски

Нотариус Фальк (Таймо Тоомаст — слева) готовится разыграть своего друга Айзенштайна (Мати Кыртс).
Фото: Сергей Трофимов(2)

виновника сего «аншлага» – голландского режиссера и сценографа Михила Дейкема, на свой лад прочитавшего искрящуюся, как брызги шампанского, и вкусную, как венский штрудель, оперетту Штрауса.

Садомазохист князь, алкаш сторож и секс на ящике

Блюдо, которое приготовил на сцене «Эстонии» старый знакомец Михил Дейкема, некогда покоровший нас оригинальной, остроумной постановкой «Золушки» Россини, на сей раз оказалось с душком – как осетрина не первой свежести. И дело тут не во вторичности продукта, которым маэстро до этого потчевал зрителей эйзенаского Ландестеатра и московской «Новой оперы». В конце концов перенос спектакля на другую сцену – если он того заслуживает – никто не запрещает, да и точных копий не бывает, тем более в жанре оперетты, где разговорные диалоги пишутся на языке страны, в которой спектакль ставят.

Неприятный душок исходил от шуток сомнительного свойства и пошлости, буквально наводнившей сцену, включая залезания под юбки и бесконечные имитации половых актов на полу, на ящиках, на рояле; от странных персонажей вроде палача из пистолета, размахивающего плетью и хлещущего водку князя Орловского, выкрикивающего по-русски «Валяй музыку!», или бомжеватого вида, вдрабадан пьяного тюремного сторожа Фроша, который неоднократно приказывает дирижеру играть помедленнее... Но обо всем по порядку.

Спектакль открыла увертюра, исполненная оркестром под управлением Юри Альпертена легко и изящно – вполне в духе Штрауса. К сожалению, это был единственный незамутненный музыкальный островок в океане пошлости. Всё остальное представляло эротические фантазии режиссера на тему погрязшего в удовольствиях общества, где каждый обманывает, притворяется

и в историю.

Шедевр, написанный за 42 ночи

В основе сюжета «оперетты всех оперетт», как называют «Летучую мышь», – реальный случай, произошедший в Париже: герой-ловелас, попав на бал-маскарад, начинает ухаживать за собственной женой, не подозревая, что его разыграли. Либретто написали Ришар Жене и Карл Хаффнер по мотивам водевиля «La réveillon» («Поздний ужин») Мельяка и Галеви, авторов либретто «Кармен» и ряда оперетт Оффенбаха.

Штраус был в восторге от материала: действие разворачивалось на фешенебельном курорте, герои, богатые бездельники, попадали на бал к великому русскому князю, то есть в знакомую ему среду – вспомним, в каких кругах вращался Штраус, любимец австрийской и русской знати. Легкомыслие и беззаботность были главными чертами персонажей, даже тюрьма выглядела весело и привлека-

Директор тюрьмы (Вяйно Пуура – слева) – непрошенный гость на празднике любви Розалинды (Хели Вескус) и ее друга тенора (Андрес Кёстер).

зыгрывш, добродушный юмор, искренительные танцевальные мелодии и зажигательные ритмы. «Мелодии текут из меня, как вода из крана», – признавался Штраус, который порой их записывал на скатерти, манжетах, листках ресторанного меню.

Работу над «Летучей мышью» композитор завершил в последний день 1873 года, а на Пасху, 5 апреля 1874 года, в «Театре ан дер Вин» состоялась премьера. Один из критиков писал: «В ложе театра можно заработать прекраснейшую морскую болезнь, настолько велика качка в партере под аккомпанемент волшебных звуков, которые Иоганн Штраус вызывает своей оркестровой палочкой. Музыка щебечет, заливаётся соловьем, поет и издает трели, как настоящая весна. Трудно сказать, какой из фрагментов богатой партитуры заслуживает приза – все они не уступают друг другу по своей красоте».

Сплошной сюр на сцене

На нынешней премьере в «Эстонии» тоже можно было заработать морскую болезнь – но по другой причине. Блистательная музыка Штрауса, которая более столетия пьянит и кружит голову публике, оказалась не госпожой, а служанкой господина режиссера, который использо-

время готовят гуляш по-венгерски и вздымаются высоко языки пламени – только вот музыка и пение при этом пострадали: из-за шума и гвалта на сцене артистке трудно петь, а зрителю – слушать и оценить по достоинству ее мастерство.

Во втором действии на балу у князя Орловского на сцене царил, мягко говоря, кавардак – смешались в кучу арабский шейх, финский маркиз Костонен, он же барон Айзенштайн, трансвестит в пачке, хорошенький (ая) слуга князя Иван в папаче, горничная Адель, выдающая себя за артистку, «венгерская графиня» Розалинда в маске, наконец, интриган, устроивший злой розыгрыш – нотариус Фальк по прозвищу «Летучая мышь». Он, по мысли режиссера, и есть центральная фигура всего действия, эдакий дьявол-искуситель в красном.

Подобные находки довольно любопытны, как и ряд сценографических решений вроде перекошенного пола и свисающих с потолка, словно спящие летучие мыши, манекенов во фраках. Однако всё это мало соотносится с музыкой Штрауса, живущей своей, параллельной жизнью. К тому же спектакль неоправданно затянут (около четырех часов с двумя антрактами). Третий акт, где почти не звучит музыка, вышел откровенно провальным, а шутки алкаша сторожа (Тыну Карк), нацепившего поверх вытянутых штанов зеленую пачку, достойны капустника или корпоративной вечеринки, но не Национальной оперы.

Жаль артистов. И досадно, что умный и талантливый Михил Дейкема так высокомерно отнесся и к легкому жанру, сыгравшему с ним злую шутку, и к публике, которая не обязательно «пиппл, который всё схавает». «Безвкусица» – таково было самое мягкое из услышанных мною мнений. «Это было ужасно», – сказал один знакомый художник. «А при чем тут Штраус?» – удивился другой.